ИМАГОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161
doi: 10.17223/24099554/23/11

«Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея»: литературная репутация В.А. Жуковского в 1813–1820 гг.

Виталий Сергеевич Киселев

Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа выступает ключевой период в складывании литературной репутации В.А. Жуковского (1813–1820 гг.). Выделяются произведения, успех которых обеспечил выдвижение поэта на первое место в отечественной словесности, определяются стратегии авторского поведения и взаимодействия с институтами дружеских обществ (круг младокарамзинистов, «Арзамас» и др.) и системой протектирования (придворный круг). Обозреваются газетные и журнальные отклики на события писательской карьеры В.А. Жуковского.

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Киселев В.С. «Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея»: литературная репутация В.А. Жуковского в 1813–1820 гг. // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 203–234. doi: 10.17223/24099554/23/11

Original article

doi: 10.17223/24099554/23/11

“The miracle you have performed is more amazing than the miracle of Orpheus”: The literary reputation of Vasily Zhukovsky in 1813–1820

Vitaly S. Kiselev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru

Abstract. The article analyses the key period (1813–1820) in the formation of Vasily Zhukovsky’s literary reputation. The turning point in the formation was the success of *The Singer in the Camp of Russian Warriors*, which combined the features of high odic genres, in line with the aesthetic preferences of the mass reader, with the equally popular elegiac style of Karamzinism. This consolidated young Karamzinists around Zhukovsky, which resulted in the birth of the Arzamas society, on the one hand, and granted support from the court environment, which from 1813 began to patronise the young poet, on the other. He quickly progressed from enjoying the gracious attention of Empress Maria Feodorovna to receiving the highest rescripts in 1815 and 1816, being granted a pension, and being invited to the position of, first, court reader, and then tutor to Grand Duchess Alexandra Feodorovna. In literary terms, the union of poetry and power gave rise to the phenomenon of visionary lyricism, which endowed works of various genres – epistles (beginning with “To Emperor Alexander”), songs, idylls, ballads, landscape elegies, and album poems – with ideological or historiosophic overtones. This, in turn, facilitated the penetration of literary principles into court life – primarily in terms of its formation as a circle-like community with its own family rituals, esoteric friendly semantics, and collective creativity. Thanks to Zhukovsky’s efforts, the court was transforming into an environment of the “select few”, where the boundaries between literary and aristocratic elitism became interchangeable. Zhukovsky’s successes in both the literary and court spheres were invariably covered with attention and approval in newspapers and magazines in 1814–1820, which contributed to the consolidation and popularization of the poet’s name. In the late 1810s, he became a member of most of the prestigious literary societies: the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University (1816), the Free Society of Lovers of Literature, Sciences, and Arts (1817), the Free Society of Lovers of Russian Literature (1818), the Imperial Russian Academy (1818), started his own salon (1818), and gained recognition in the Dorpat (Tartu) and later German scholarly-literary circles. A special role in Zhukovsky’s fate was played by Arzamas, where he took on the role of the chair: in a travesty-carnival spirit, the

“society of unknown people” not only polemically opposed the aesthetic program of archaism but also consolidatedly represented the literary position of young Karamzinism, which by 1816-1818 had taken a dominant place in literature. Meanwhile, Zhukovsky’s rapid reputational ascent also generated a counter-reaction, initially in the form of personal disapproval of some of his works, and then in the form of parodic ridicule of his figure as a whole (the character of Fialkin in Alexander Shakhovskoy’s *A Lesson to Coquettes, or the Lipetsk Waters*). Subsequently, however, criticism avoided personal attacks on Zhukovsky and focused on challenging his genre models – the ballad, the elegy, the hexametric idyll (P.A. Katenin, N.I. Gnedich, A.S. Griboedov, A.F. Merzlyakov). This testified to their transformation not just into influential, but into dominant examples. Thus, by the end of the 1810s, Zhukovsky occupied an exceptional place on the literary Olympus, comparable to the position of Nikolay Karamzin. The issues of how to handle the accumulated symbolic capital and what to convert it into were for Zhukovsky to resolve at the next stage of his career in the 1820s.

Keywords: literary reputation, Russian literature, Vasily Zhukovsky, literary criticism, journalism

Financial Support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386: History of Russian Literary Criticism of the First Half of the 19th Century: Vasily Zhukovsky in Lifetime Critical Reception.

For citation: Kiselev, V.S. (2025) “The miracle you have performed is more amazing than the miracle of Orpheus”: The literary reputation of Vasily Zhukovsky in 1813–1820. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 203–234. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/11

Четверть века назад А.И. Рейтблат в известной статье «Как Пушкин вышел в гении» в качестве одной из актуальных задач современной истории русской литературы назвал изучение литературных репутаций [1]. С тех пор количество исследований в этом направлении существенно увеличилось, однако качественного прорыва пока не произошло, и мы имеем весьма неполное представление не только об общих интенциях и инструментах в структурировании поля литературы в ту или иную эпоху, но и о ходе составления большинства авторских репутаций даже классиков отечественной словесности. Одной из таких лакун является репутация В.А. Жуковского – поэта, чье творчество вошло в гимназическую программу еще в 1820-е гг. [2. С. 13] и с тех пор выступает неотъемлемой частью национального культурного канона.

Историками литературы накоплен огромный материал как о его художественном наследии, так и о его деятельности, в совокупности влиявших на формирование репутации. Синхронизация и сведение в единую картину этих наблюдений становится актуальной задачей жуковсковедения.

Настоящая статья включена в проблематику проекта, посвященного изучению рецепции личности и творчества Жуковского в прижизненной литературной критике [3]. Между тем мы исходим из того факта, что как влиятельный институт русская литературная критика оформилась лишь в 1830–1840-е гг., а репутация Жуковского сложилась гораздо ранее – еще в 1810-е гг., а уже в 1820-х гг. подверглась канонизации. Таким образом, ранние разрозненные журнальные отзывы на произведения поэта и события его профессиональной карьеры нужно оценивать на фоне более широких процессов, в которых пересекаются интенции художественного и институционального плана. Обозрению начальных этапов становления авторской репутации Жуковского посвящены статьи С.В. Березкиной (1797–1807 гг. [4]) и Д.В. Долгушина (1808–1815 [5]). Наша статья продолжает намеченные сюжеты, обращаясь к ключевому периоду 1813–1820 гг.

Литературное поле 1800–1810-х гг., в котором приходилось действовать молодому поэту, было очень неоднородно. Если говорить об эстетическом аспекте, то, схематизируя и выделяя лишь самые влиятельные позиции, здесь конкурировали стратегии архаистов, по терминологии Ю.Н. Тынянова, предполагающие опору на высокие лирические или лиро-эпические жанры и универсально-космический/исторический мирообраз, карамзинистов старшего поколения с их ориентацией на срединные жанры поэзии и прозы и антропоцентрический сенсуалистский подход (чувствительность) и, наконец, младших карамзинистов-романтиков, к числу которых принадлежал и В.А. Жуковский, движущихся к созданию автономного поэтического языка и столь же специфической концептосферы. Для массовой аудитории и, соответственно, для коллективной риторики литературного признания определяющей до середины 1810-х гг. выступала первая позиция, на фоне которой как альтернатива и дополнение допускалась вторая. Третья до 1820-х гг. присутствовала в литературном процессе как не-

явная и трудно опознаваемая (она как бы растворялась в карамзинизме в целом), хотя именно она определила эстетический облик пушкинской эпохи [6].

Тем самым для основной массы читающей публики и для самого Жуковского идеальной ролью в литературном поле представлялась роль высокого поэта, в максимальном проявлении – автора эпических произведений, недаром разочарование в журналистской деятельности в период редактирования «Вестника Европы» (1808–1811) компенсировалось у него замыслами поэмы «Владимир» [7], так и не реализовавшимися, но активно поддерживаемыми друзьями-младокарамзинистами (А.И. Тургеневым, Д.Н. Блудовым, К.Н. Батюшковым, С.С. Уваровым и др.). Так, К.Н. Батюшков публично призывал к этому поэту в 1814 г.:

Г. Уваров, в письме своем об экзаметре, говорит между прочим, что русские могут иметь свою отечественную поэму и назначает для оной именно: *эпоху до христианства и последующую*, которую называет он *эпохою нашего рыцарства*. <...> Если г. Жуковский согласился на его приглашение написать поэму из нашей истории, то он должен непременно избрать сей период, от рождения славянского народа до разделения княжеств по смерти Владимира. Мы пожелаем с г. Уваровым, чтоб автор «Певца во стане русских воинов», «Двенадцати спящих дев» и пр. – поэт, который умеет соединять пламенное, часто своенравное воображение с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою на произведения такого рода для славы отечества (которое умеет чувствовать его заслуги) и не истощил бы своего бесценного таланта на блестящие безделки [8. С. 102–103].

Для полноценного исполнения подобной высокой роли подходило уединение, самообразование, сосредоточенность на одном замысле, а не пестрота профессиональной литературной деятельности и «блестящие безделки» средних жанров карамзинизма. Именно этой стратегии Жуковский устойчиво придерживался с 1804 по середину 1807 г., в период так называемого белевского уединения, к ней же он вернулся с середины 1810 г. после отхода от редактирования «Вестника Европы».

Однако в сознании современников роль высокого поэта ассоциировалась прежде всего с одической традицией, опыты обращения к

которой у Жуковского были связаны с учебой в Московском благородном пансионе и имели подражательный характер («Ода. Благодарение России...», «Могущество, слава и благодарение России» и др.), а затем до 1812 г. оставались единичными. Исключение – «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806) (замысел ее был подсказан И.И. Дмитриевым¹), которая потому и вызвала столь доброжелательный отклик друзей (родных, А.И. Тургенева, Д.Н. Блудова²) и публики, что намечала новый путь и обращалась к героической тематике, синтезируя ее с элегической интонацией [12]. Тем не менее жанры, в которых Жуковский выступал действительным новатором, – элегии, начиная с «Элегии» (1801) и «Сельского кладбища» (1802), и баллады, начиная с «Людмилы» (1808), при всем интересе и популярности у читателя относились к разряду средних согласно представлениям эпохи, не способных закрепить за поэтом привилегированное место в литературном пантеоне. Кроме того, они ощутимо выходили за пределы карамзинистского канона, что особенно касалось фантастической баллады³, и создавали образ автономной поэтической реальности, для восприятия которого был нужен особый культурный контекст.

Требовался глубокий перелом художественных вкусов и предпочтений, чтобы преодолеть подобную инерцию, а значит, необходима

¹ «<...> скоро ли мы увидим что-нибудь Вашего произведения? Не зародился ли какой-нибудь внучек Марфы Посадницы? Но я лучше бы желал увидеть колдунью в Марьиной роще, или, в духе идиллии, возвращающегося со службы воина в свою отчизну, или **барда на поле битвы после ночного сражения**, или оду “Песнопевец, или четыре времени дня” – но мало ли что приходит в голову на досуге» [9. Стб. 416] (письмо от начала мая 1806 г., текст исправлен по автографу: [10. Л. 100–101]).

² Ср., например, оценку М.П. Юшковой в письме от января 1807 г.: «Мне очень было досадно, что я не видала письма Тургенева; сестрицы мне сказывали, что он очень хвалит Вашего “Барда”, которого и я читала в “Вестнике” и которым я восхищалась» [11. Л. 4].

³ «Значение балладного творчества Жуковского для общего движения русской словесности заключается прежде всего в том, что здесь произошел принципиальный отрыв “мечты” от “существенности”, в том, что средствами поэтического слова был выстроен целый мир, организованный по собственным, независимым от житейских законам» [13. С. 8].

была консолидация носителей новой эстетической парадигмы. Замечательно, что она начала происходить рядом и вокруг Жуковского, отказавшегося от служебной деятельности и всецело, в отличие от большинства делавших карьеру друзей, сосредоточившегося на литературе. Разветвленная и далеко не полностью сохранившаяся переписка со старыми и новыми товарищами (Ан.И. Тургеневым, А.Ф. Мерзляковым, С.Е. Родзянко, А.Ф. Воейковым, Ал.И. Тургеневым, Д.Н. Блудовым, П.А. Вяземским, Д.П. Севериным, Д.В. Дашковым, А.А. Перовским, К.Н. Батюшковым, С.С. Уваровым, Н.И. Гнедичем, А.А. Плещеевым, Д.В. Давыдовым и др.) позволяет оценить усилия молодого литератора по поддержанию и расширению круга контактов, образывавших тесные поэтические союзы. Обмен посланиями и сообщение друг другу стихотворных опытов, работа над составлением журналов, альманахов и антологий, взаимное редактирование произведений, рефлексия над текущими литературными и историческими событиями, совместное участие в полемиках, создание «дуумвиратов» и «триумвиратов» – характерная черта этой дружеской среды, которой требовалась лишь институализация, произошедшая в 1815 г. в виде «Арзамаса»¹. Именно Жуковский выступал связующим звеном этой разнообразной коммуникации, будучи вхож в круг как старшего литературного поколения (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев), так и разных групп поэтической молодежи в Москве и Петербурге. Все более и более массивное ее участие в литературной жизни ощутимо изменило уже к середине 1810-х гг. характер эстетических предпочтений публики.

Для окончательного перелома потребовались события Отечественной войны, вызвавшие эффект гражданской экзальтации и остроактуальный запрос на новые средства эстетического выражения общественного мнения. Как показала одическая продукция 1812–1814 гг., даже корифеи литературы, представлявшие два доминирующих эстетических течения, – Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин – с этой задачей не справились. «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года...» первого и «Освобождение Европы и слава

¹ Закономерно, что единственный опыт масштабной научной реконструкции литературной жизни круга младокарамзинистов в ее динамике от 1800-х к 1810-м оказался связан именно с «Арзамасом» [14].

Александра I» второго обращались к стереотипному ряду образов и идеологем и столь же узнаваемым жанрово-стилевым моделям¹. На этом фоне подлинным открытием стал «Певец во стане русских воинов» Жуковского, который не только органично соединил интимно-личное чувство и универсально-гражданский пафос, но и создал самый художественно убедительный пантеон героев 1812 г., окружив его символикой национального единения и лирически акцентировав основные компоненты национального сознания: память предков («Сей кубок чадам древних лет! // Вам слава, наши деды!» [16. С. 225]), героини-защитники нации (Святослав, Дмитрий Донской, Петр I, Суворов), малая родина, семья, дом («Отчизне кубок сей, друзья! // Страна, где мы впервые // Вкусили сладость бытия...» [16. С. 227]), отечественная литература («Сей кубок чистым Музам в дар!» [16. С. 239]). В подобном контексте куплетно раздвигающийся ряд здравниц во славу живых и павших воинов-героев становился основой нового национального канона, источником нарождающейся исторической мифологии².

Благодаря успеху «Певца во стане русских воинов» молодой поэт Жуковский, нигде не служивший с 1802 г., никем не протезируемый, не имевший громкой литературной славы, внезапно стал кумиром. 10 июля 1813 г. П.А. Вяземский писал товарищу: «Твой “Певец” гремит везде, и даже и те, которые не читают другого, кроме придворного, подчас, месящеслова, а этих у нас богатое число, и те восхищаются “Певцом”. Чудо, сотворенное тобою, удивительнее чуда Орфея» [20. С. 171]. Независимый голос молодой дворянской среды оказался услышан не только широкой публикой, но и властью. Повторное издание «Певца» за счет императрицы Марии Федоровны и при личном контроле И.И. Дмитриева³ показало, что Жуковский нашел не только

¹ Репрезентативным сводом подобной художественной продукции, тяготеющей как к эстетике «Беседы» (оды, гимны, дифирамбы), так и к установкам сентиментализма («чувствования», «песни», «молитвы»), выступило, в частности, двухтомное «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева (1814), куда оказались включены и произведения Державина и Карамзина, см. подробнее: [15].

² См. об идеолого-историческом смысле «Певца» [17, 18]. Ср. также [19].

³ См. обсуждение перипетий этого процесса в переписке Жуковского с П.А. Вяземским [20. С. 165, 183–185].

новую поэтику в соединении элегического и одического начал, но и новую модель творческого поведения, возможности которой стали актуальны для многих молодых авторов карамзинского круга. Поэт во всей полноте почувствовал и использовал возможности подобной позиции, максимальным проявлением которой стал пафос послания «Императору Александру» (1814), где, по позднейшим словам А.С. Пушкина, «<...> русский поэт говорит русскому царю!» (письмо к А.А. Бестужеву, конец мая – начало июня 1825 г. [21. С. 179]).

Послание готовилось Жуковским долго и появилось в печати в тот момент, когда поток одической продукции на заграничные походы и взятие Парижа, породив очередной комплекс штампов, уже пошел на спад. Эти произведения отразили идеологический поворот от прославления коллективного подвига нации к ее персонификации в лице монарха, покровительствуемого Провидением и получающего помощь не от своих граждан, а свыше (мотив изумления перед чудесными победами русского оружия) [22]. И в этой ситуации, как и в случае с «Певцом», Жуковский смог создать художественную концепцию нового качества, оказавшуюся, как показал А.Л. Зорин, созвучной наступающей эпохе Священного союза [23. С. 269–295]. Для репутации поэта в этой концепции было важно то, что посредником между монархом и Провидением (а вместе с тем и субститутотом нации) выступало видение певца, лирического субъекта послания, визионерски прозревающего тайны Божественного замысла и интерпретирующего их как для самодержавного адресата, так и для его подданных. Подобный романтично-мистический подход при этом сочетался со скромностью, нечиновностью, невхожестью автора в придворную среду, что подчеркивало его неангажированность и искренность.

Посыл Жуковского встретил восторженное восприятие как в публичном литературном поле, так и в кругу царской фамилии. Все ведущие журналы и газеты начала 1815 г. («Русский инвалид», «Северная почта», «Сын отечества», «Современный наблюдатель российской словесности», «Российский музей») откликнулись на послание, напечатанное отдельной брошюрой, отзывами, подчеркивающими исключительное достоинство произведения, моментально вошедшее в число лучших произведений автора. Репрезентантом может выступить реплика анонима, скрывшегося под инициалом «К», в «Русском инвалиде» (курсив в оригинале):

Сие стихотворение не только по справедливости занимает первое место между всеми, к коим последние великие происшествия были поводом; но представляет вместе редкий и изящнейший триумф поэзии, любви к отечеству, признательности и истины. Во всякое время и у всех народов стихотворцы посвящали свои песни прославлению героев; но сколь часто или песни не соответствовали достоинству предмета, или, напротив, лесть и посторонние намерения унижали священный дар поэта!

Здесь *истинный* поэт прославляет *истинно великого* мужа, и миллионы благословляющих имя последнего с радостными слезами повторяют достойные, искренние похвалы, произносимые первым! Благородная признательность и слава быть сыном России и подданным Александра водили рукою поэта, и отдаленнейшие поколения потомков засвидетельствуют истину слов его.

Заклучим желанием: если дела *Александра* могут быть прославляемы, то пусть всегда прославляют их поэты, подобные *Жуковскому!* [24].

Проводниками и пропагандистами поэта в придворной среде выступили его друзья А.И. Тургенев и С.С. Уваров, уже выстроившие свою служебную карьеру, причем интенции здесь были двунаправленными, поскольку растущий авторитет Жуковского способствовал дальнейшему продвижению их и других товарищей. Чтение послания «Императору Александру» в кругу царского семейства в исходе 1814 г., прием и покровительство А.Н. Голицына в мае 1815 г., наконец, прием при дворе в сентябре того же года при опеке Ю.А. Нелединского-Мелецкого и назначение чтецом при императрице Марии Федоровне выступили выразительными знаками высочайшего признания, о чем Жуковский с гордостью и воодушевлением рассказывал своим друзьям и родным (А.И. Тургеневу, А.А. Прокоповичу-Антонскому, А.П. Елагиной, Е.А. Протасовой и др. [25. С. 300, 305–307, 310, 321–323, 355–356, 366–371 и далее]). Так, в короткое время поэт стал непререкаемым лидером молодого литературного поколения и автором, претендовавшим на визионерское уловление и художественное выражение зреющей в придворном кругу идеологии. Пожалование Жуковскому императором в конце 1816 г. пожизненной пенсии в размере 4 000 р. обеспечило ему еще и финансовую независимость, пусть и минимальную: символический литературный капитал системой патронажа оказался конвертирован в капитал материальный, а поэт, кроме того, получил статус, не зафиксированный официально, но измеримый со статусом придворного историографа Н.М. Карамзина.

О новом положении Жуковского читающая публика тоже оказалась быстро оповещена благодаря сообщениям в «Русском инвалиде», «Сыне отечества», «Отечественном памятнике» и других изданиях. В «Сыне отечества» анонимный автор (вероятно, Н.И. Греч) торжествовал:

Любимый и уважаемый всею просвещенною публикою нашу писатель *Василий Андреевич Жуковский* удостоился на сих днях получить знаки особенной монаршей милости. Государь император, обращая внимание на отличные сочинения, которыми он украсил русскую словесность и из коих многие посвящены славе воинства российского, в изъявление высочайшего своего благоволения и для обеспечения впредь состояния его, всемилостивейше соизволил назначить ему четыре тысячи рублей ежегодного пенсионера и в то же время пожаловал ему драгоценный брильянтовый перстень с своим вензелем. Мы уверены, что все любители сочинений *Жуковского* (и кто не любит их?) разделят с нами удовольствие, которое мы ощутили, узнав, каким отличным образом великий и правосудный монарх наградил таланты и труды, посвященные славе отечества и распространению между соотчичами любви к истине и добродетели, которую дышат все творения сего любезного стихотворца! Желаем, чтоб щедроты монаршие доставили ему беззаботный досуг, который он мог бы посвящать беседе с скромною и благородною музою своею [26].

При внешней неоспоримости статуса Жуковского консенсус мнений даже в младокарамзинской среде о том, какую роль при дворе должен играть представитель литературного сообщества, уже к 1817–1818 гг. начал распадаться. В это время Жуковский в апреле 1817 г. получил предложение стать учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, к занятиям с которой приступил с октября во время московского визита двора. Для поэта, чуждого карьерных устремлений, придворная должность воспринималась как вхождение в семейный круг царствующей династии, как соединение личной дружбы и возможности приносить пользу престолу: «<...> легко быть поэтом по заказу! По крайней мере, мне не было трудно быть здесь поэтом. Главное: искренно предаваться влекущему чувству! Нет дела до того, что толпа не верит этой искренности» (письмо к П.А. Вяземскому от 2 сентября 1819 г. [20. С. 332]).

Именно этим пафосом единения общественного мнения, выразителем которого выступал лирический герой Жуковского, и воли высочайшей власти пропитаны стихотворения «Молитва

русского народа», «Песнь русскому царю от его воинов», «Певец в Кремле», «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича». Они развивали поэтику двух первых шедевров, экспериментируя с синтезом жанровых форм элегии, оды, послания, песни, идиллии на основе визионерской романтической стилистики. Как показал И.Ю. Виноцкий, идеологическое начало могло уходить вглубь поэтической семантики и проецироваться на жанры, прежде не претендовавшие на выражение политических или историософских интенций – идиллию («Овсяный кисель»), балладу («Вадим», «Граф Габсбургский») или стихотворение «на случай» («павловский» цикл) [27. С. 29–162]. На подобном фоне сам статус средних жанров младокарамзинизма, определивших литературную репутацию Жуковского в 1800-х гг., радикально повышался, и публика постепенно научалась воспринимать их не как занимательные безделки, иногда веселые, иногда уныло-меланхолические, а иногда и страшные, с ведьмами, чертями и мертвецами, но как выражение глубоких бытийных смыслов.

Возвращаясь к придворному статусу Жуковского, заметим, что для более радикализированных представителей молодой словесности, как, например, для П.А. Вяземского, близость ко двору налагала на поэта обязанность поучения и обличения: «Ты кадишь им ладаном не лести, но поэзии, я хотел бы задеть их кадильницей истины: побуждение наше одно, но способы и суждения наши разны» (письмо от 13 сентября 1819 г. [20. С. 335]). К мнению П.А. Вяземского присоединялись А.И. и Н.И. Тургеневы, М.Ф. Орлов, Н.М. Муравьев, а в более мягкой форме и другие арзамасцы, для которых увлеченность Жуковского павловской атмосферой, куртуазностью, бытовыми мелочами становилась свидетельством если не исчерпания дара, то его «сна». Мотивы «пробуждения», «будильника» сопровождают имя поэта в переписке и общении его друзей в 1818–1820 гг., поддерживая образ дамского угодника и придворного затейника¹. Чуть позднее в

¹ Ср. характеристики в письмах А.И. Тургенева к П.А. Вяземскому: «Ты требуешь стихов Жуковского, но где взять этот магнит, который должен приподнять тебя? Он сам лежит с грамматикой или сидит за жирным столом у великого князя, а потом зеваает в ожидании вдохновения» (4 сентября 1818 г. [28. С. 119]);

декабристской среде первой половины 1820-х гг. это представление вышло за пределы тесного дружеского круга и вызвало к жизни миф о сервильности Жуковского («Из савана оделся он в ливрею...» А.А. Бестужева).

За мнимым «сном», впрочем, скрывалась вполне серьезная авторская стратегия. Поэт оказался принят при дворе в момент формирования новой идеологии «семейственной монархии», где малый круг императорской фамилии, исповедующий семейно-домашние ценности, выступал прообразом всеимперского единения подданных, символически включенных в сферу отеческих отношений [29. С. 325–543]. Эти интенции были мировоззренчески очень близки Жуковскому, что обусловило естественность эстетизации и мифологизации придворной жизни и ее ключевых персонажей – вдовствующей императрицы Марии Федоровны, императрицы Елизаветы Алексеевны, великой княгини Александры Федоровны, а впоследствии ее детей. Найденные в «павловских» стихотворениях, а затем в стихах, вдохновленных берлинским праздником января 1821 г., образы, в особенности образ Лаллы Рук [30, 31], приносили возвышенно-романтическую, трансцендентную семантику в портреты царственных особ, а к ней подключались и уже не чуждые игровых и иронических интонаций образы фрейлин – В.П. Ушаковой, С.А. Самойловой, Е.П. Шуваловой, Е.Г. Волконской и др. Тотальная поэтизация всего, что попадало в сферу рефлексии лирического субъекта, позволяла Жуковскому делать материалом творчества придворный быт с его реалиями (башмаки, платки, перчатки), повседневные происшествия, детали личных отношений, праздники, пейзажные зарисовки (при солнце и луне), семейные ритуалы («Цвет завета»).

Это, в свою очередь, способствовало проникновению литературного начала в жизнь двора – уже не столько в виде бытования высоких

«Жуковский, если не спит, так в сладкой неге дремлет, *немногих* голосу не внемлет и не дает им даже и седьмой книжки» (24 декабря 1818 г. [28. С. 179]); «Жуковский, несмотря на пудру, от которой страждет, может быть, голова во всех отношениях, остался еще с душою, но, может, мало-помалу и ее растрясет на павловских линейках. Ему необходимо нужно отказать от вечерних прогулок, которые отнимают у него последний досуг, ибо поутру он за грамматикой, потом за обедом, а через час должен являться на линейку и говорить о луне с ее величеством» (11 июня 1819 г. [28. С. 248]) и др.

жанров, воплощавших государственную идеологию, сколько в плане его оформления как кружкового сообщества со своими семейными ритуалами, эзотерической дружеской семантикой, коллективным творчеством. Благодаря усилиям Жуковского двор превращался в среду «немногих», где границы литературной и аристократической элитарности становились взаимозаменяемы. Примечательно здесь циркулирование шести выпусков авторского сборника 1818 г. «Für Wenige. Для немногих», который печатался тиражом в несколько десятков экземпляров и предназначался для императорской семьи и придворных, но распространялся автором и в среде своих друзей. Эту тенденцию продолжали и другие издания – «Подробный отчет о луне» или «Сказка о принце Любиме» (обе 1820) [32]. Формы придворной литературной коммуникации, инициируемые Жуковским, не ограничивались распространением брошюр и включали в себя как педагогические аспекты, т.е. использование литературного материала (стихов, прозы, драматических отрывков) в обучении русскому языку великих княгинь Александры Фёдоровны [33, 34] и затем Елены Павловны, так и рекреационно-игровые – чтение новинок, литературные игры, ведение альбомов, участие в представлениях и праздниках.

Сближение форм коммуникации в придворной и дружеской среде способствовало их взаимопроникновению. Жуковский в 1813–1821 гг., все более погружаясь в жизнь двора, выступал одновременно участником целого ряда кружковых сообществ и переносил их практики в другие сферы. Его авторский образ и, соответственно, репутация при этом варьировались в широких пределах от комически-игровых до возвышенно-академических. Так, в чернско-муратовском круге Протасовых, Киреевских, Плещеевых родилась в 1811–1814 гг. «Академия любопытных нахалов» («Académie des curieux impertinents»), чья юмористическая и пародийная деятельность не просто порождала массу курьезной поэзии, но и оформлялась в виде заседаний с протоколами или «периодических изданий» («Муратовская вошь», «Муратовский сморчок») [35]. Обретение поэтом нового статуса в 1813–1815 гг. наталкивало на мысль о возможности более масштабного использования подобного комического формата.

Травестийная институализация была новым, еще не опробованным в литературной среде инструментом, очень близким неформальности, неофициальности, карнавалному духу общения младокарамзинистов.

Влиятельность «Арзамасского общества безвестных людей», учрежденного в октябре 1815 г. и вдохновляемого Жуковским, продемонстрировала, что культура дружеских сообществ стала настолько сильным конкурентом системы патронажа, что дискредитировала ее старые проявления и породила новые. Основной оппонент «Арзамаса», успешно институализировавший позицию шишковистов, – «Беседа любителей русского слова», лишь в самый начальный момент представляла собой плод дружеской инициативы А.С. Шишкова и Г.Р. Державина, а в основе своей являлась патронажной организацией с высочайше утвержденной иерархической структурой, уставом, системой ритуалов, надзором государя и министра просвещения. К моменту учреждения «Арзамаса» подобные институциональные формы на фоне окказиональной, неподконтрольной, разнаправленной, но эффективной деятельности сотоварищей Жуковского выглядели как очевидная архаика. Прекращение деятельности «Беседы» после смерти Г.Р. Державина в 1816 г. ознаменовало их полную исчерпанность. С этого момента литературный патронаж оказывался возможен лишь в равноправном симбиозе с институтами дружеской коммуникации.

Многочисленные и авторитетные исследователи «Арзамаса» [14, 36–40] показали на обширном документально-художественном материале, как именно пародийно-травестийная деятельность общества (переворачивание ритуалов «Беседы», надгробные речи, галиматийные протоколы, увенчания и развенчания, комические суды, чтение и обсуждение произведений) способствовала консолидации младокарамзинистов. Карнавалы мир вольного братства воплощал в живых фигурах не только наиболее яркие балладные мотивы Жуковского (арзамасские прозвища намертво срослись с личностями их обладателей и даже в чем-то стали пророческими), но и визионерско-мистические интенции его высоких произведений. В кругу арзамасцев переход от «Вадима» к «Певцу в Кремле» или от упоминания стихотворного комплимента фрейлине к разбору религиозной символики мог совершаться в пределах одной фразы¹. В результате сам образ раз-

¹ Эту манеру, в частности, хорошо иллюстрирует стилистика П.А. Вяземского, например, в часто цитируемом письме к А.И. Тургеневу от 1 мая 1819 г.: «Что делает Жуковский? <...> Вообще, главный его недостаток есть однообразие

дельвающего гуся председателя Светланы, вздорного самодура, сибарита и невежественного спесивца, одновременно имел черты социологические, восходящие к апостольским и пророческим библейским контекстам. Кроме того, в заседаниях «Арзамаса» оказалась комически смоделирована сложившаяся к 1815–1816 гг. младокарамзинистская литературная иерархия – с Жуковским, удостоившимся высочайшего признания, во главе, с почетными членами старшего поколения близ него и с рядовыми участниками-сверстниками вокруг.

С появлением подобного организационного центра многообразная художественная продукция арзамасцев, в том числе не полемическая (стихи и проза «средних жанров»), стала опознаваться как воплощение единой эстетической парадигмы, претендующей на доминирование в литературном поле. Этот символический капитал потенциально можно было конвертировать, во-первых, в успех у широкой публики и, в результате, в литературный доход, во-вторых, в поиски независимой социально-политической влиятельности (путь к дворянской фронде и тайным обществам – Н.И. Тургенев, М.Ф. Орлов, Н.М. Муравьев, частично П.А. Вяземский), наконец, в-третьих, в получение или укрепление официального покровительства и властных, служебных и материальных преференций (А.И. Тургенев, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.П. Жихарев, А.Ф. Воейков, П.И. Пелетика, Д.П. Северин, Д.В. Давыдов, Ф.Ф. Вигель, Д.А. Кавелин, А.А. Плещеев). Однако все эти стратегии требовали уже иной, не травестийной организации кружкового общения – и как только к 1817 г. обозначились подобные тенденции, «Арзамас» начал распадаться, продолжая, впрочем, обсуждать устав, планы издания журнала, замыслы периодических альманахов и т.п.

выкроек, форм, оборотов, а главное достоинство – выкапывать сокровеннейшие пружины сердца и двигать их. C'est le poète de la passion, то есть, страдания. Он бренчит на распятии: лавровый венец его – венец терновый, и читателя своего не привязывает он к себе, а точно прибывает гвоздями, вколачивающимися в душу. Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекраснейшая струна его лиры. Жуковский счастливый – то же, что изображение на кресте Спасителя с румянцем во всю щеку, с трипогибельным подбородком и с куском кулебяки во рту» [28. С. 227].

Жуковский, как и другие участники общества, собственные замыслы реализовал также «на полях», рядом, но за пределами «Арзамаса». Их интенцию определяло подведение творческих итогов и представление публике новой «образцовой» эстетической парадигмы. Знаменателен здесь успех двух шеститомных серий антологий «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / в прозе», которую в 1815–1817 гг. подготовили и выпустили Жуковский, Д.А. Кавелин, Д.В. Дашков, А.Ф. Воейков, К.Н. Батюшков, Д.Н. Блудов, М.Д. Костогоров и А.И. Тургенев, скрывшиеся под именем вымышленного Общества любителей отечественной словесности. Эта серия представляла собой тщательно отобранный карамзинистский пантеон и репрезентировала как образцовые его жанровые стандарты, в круг которых вошли и созданные Жуковским – что не преминули подчеркнуть авторы журнальных объявлений, например, в «Сыне отечества»:

Всем любителям словесности известно «Собрание русских стихотворений», изданное в 1811 году г. *Жуковским*. Оно принято было публикою с великим одобрением, и все его издание уже раскуплено. Выходящее ныне собрание может назваться вторым зданием прежнего, исправленным и нарочито умноженным. Особенно превосходит оно прежнее издание тем, что заключает в себе и стихотворения г. *Жуковского*, которых недостаток в образцовом собрании был весьма чувствителен [41. С. 104].

Успех антологии позволил ее еще дважды переиздать в 1816–1821 и 1822–1826 гг. [42]. Близкую роль выполнили три первые собрания сочинений Жуковского (в 2 ч. 1815–1816 гг., в 3 ч. 1818 г., в 3 ч. 1824 г.), закреплявшие репутацию поэта и предлагавшие читателю образцы новой жанровой поэтики. О его выходе предуведомляли читателя объявления в газетах и журналах, а анонимный рецензент «Русского инвалида» (уже упоминавшийся выше «К») превратил сообщение в подлинный панегирик романтическому гению Жуковского – русского Шиллера:

Сочинитель сих стихов (и всего собрания, о коем извещаем наших читателей) изобразил в оных себя самого, и каждая черта пиитической и нравственной его жизни – свидетельствует о сходстве сего изображения. Он поистине принадлежит к числу счастливейших любимцев муз; к немалому числу тех, кои никогда не забывали достоинства и цели священ-

ного дара песней! Безусловное возвышение над сферой всего обыкновенного, неослабный полет ко всему изящному и благородному и некоторая *высшая* мечтательность – составляют характеристику его стихотворений. Мы находим в духе его некоторое *средство* с духом Шиллера (*благороднейшего* из стихотворцев нашего времени) и вообще имеем причину думать, что изучение немецких поэтов много содействовало развитию сего отечественного гения [43. С. 4].

Правда, при очевидном интересе публики все эти издания (а также отдельные «Переводы в прозе» Жуковского), распространявшиеся как прямой продажей, так и по подписке, раскупались медленно и существенной коммерческой выгоды не приносили. Чтобы подстраховаться, третье издание 1824 г. Жуковский осуществил, подключив ресурс патронажа – на беспроцентную и бессрочную ссуду, предоставленную великой княгиней Александрой Федоровной. При подготовке и продаже своих книг, в число которых в 1822 г. вошла поэма «Шильонский узник», поэт задействовал и помощь дружеского сообщества – в собирании и переписывании текстов, содействии в прохождении цензуры, подготовке иллюстраций и виньеток, печати и корректуре, пересылке, организации продажи и/или подписки. Вокруг Жуковского со второй половины 1810-х гг. непременно был корпус агентов (А.И. Тургенев, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич и др.), товарищески обслуживавших его институциональные связи с типографиями, цензурой, книгопродавцами, позднее с театральной средой. Это, в свою очередь, сопровождалось ответными услугами как литературного (помощь с цензурой, «дарение» для публикации собственных произведений и произведений друзей, поддержка авторов, например, А.И. Мещевского [44] или Е.А. Баратынского [45], представление книг ко двору), так и служебного или бытового патронажа (хлопоты о занятии вакантных мест, устройстве родственников в пансионы и институты, контакты с придворной средой, благотворительность). Переписка Жуковского данного периода переполнена эпизодами подобного характера. При всей личной скромности поэта подобное обрастание клиентелой было производным его исключительного положения литературного мэтра с соответствующим репутационным шлейфом.

Быстрое восхождение Жуковского на вершины пиитического Олимпа не могло не вызвать и полемической реакции. Так, даже вос-

хваляемый, казалось бы, всеми, «Певец во стане русских воинов» порой вызывал недоумение своей простотой, отсутствием одической высокопарности: «Но что ты скажешь, когда узнаешь, что Иванов¹ удивляется успеху “Певца” и говорит, что это худшее из твоих произведений и *что такие вещи пишутся за приятельским столом и тут же забываются*» (письмо П.А. Вяземского к Жуковскому от середины октября 1813 г., выделение в оригинале [20. С. 189]).

Еще большее неудовольствие порождала популярность излюбленных жанров Жуковского – элегии и баллады, причем меланхолическая элегия была уже привычна к 1810-м гг., и если она и вызывала критику, то только в своих эпигонских проявлениях, однако баллада еще не потеряла своего индивидуально-авторского колорита и воспринималась как персональный брэнд. Пародийное представление сразу двух жанров в образе незадачливого поэта Фиалкина позволяло А.А. Шаховскому и сразу указать на Жуковского как прототип, и снизить его статус до уровня эпигона. В знаменитом «Уроке кокеткам, или Липецких водах», ставшем комедийным ответом на прием балладника при дворе в 1815 г., главный герой был выведен прежде всего последователем сентиментальной меланхолической школы:

Фиалкин

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтом быть – довольно дарованья,
Воображения, в словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочего? – Ах, нет! нет, этого все мало.

Графиня

И даже прочего? Что ж нужно для него?

Фиалкин

В нем сердце быть должно, которо б изливало
Слезу горячую в грудь друга своего;
Чтобы он чувствовал, чтоб чувствовал, как бьется
Любовью вещее, чтобы в природе всей
Он видел милую, чтоб жил одною ей,
Чтоб тонкий вкус имел... [46. С. 163]

¹ Федор Федорович Иванов (1777–1816), поэт, переводчик, драматург.

Но, конечно, основной приметой Фиалкина была страсть к сочинению баллад – они должны были имитировать античные баллады Жуковского («Кассандра», «Ахилл» и др.), однако на деле постоянно сбивались на элегические формулы:

БАЛЛАДА

Пел бессмертный славному Трою,
Пел родных Приама чада,
Пел Ахилла, жадна к бою,
Пел Элены милый взгляд.
Но чувствительность слезами
Излила певца глаза.
Ах! мы любим не глазами,
Для любви у нас сердца;
И бессмертный под сетями
У бессмертного слепца [46. С. 164].

Хорошо известно, какую громкую полемическую бурю вызвала пародия А.А. Шаховского. В ней, однако, представители лагеря «Беседы» далее фактически не участвовали, полностью и безоговорочно предоставив инициативу арзамасцам, которые вернули балладным мотивам их смысловую полноту (см. выше) и включили в обширный эстетический и идеолого-политический контекст.

Тем не менее уже вскоре критику жанровой программы младокарамзинизма (а по сути отечественной версии романтизма) продолжили те, кого Ю.Н. Тынянов назвал младоархаистами – П.А. Катенин, Н.И. Гнедич, А.С. Грибоедов. К ним присоединился А.Ф. Мерзляков, бывший товарищ Жуковского по Дружескому литературному обществу. Эти полемике начались в 1816 г. и с разной интенсивностью продолжались до 1825 г. Они не касались, казалось бы, напрямую репутации Жуковского, именно в это время удостоившегося высочайшей милости, и разбирали образцы жанровой поэтики элегий, баллад, а чуть позднее и гекзаметрических идиллий [47], но воспринимались современниками персоналистично, как попытка личной критики. Иногда это порождало комические эпизоды, как в случае с выступлением А.Ф. Мерзлякова перед членами Общества любителей российской словесности при Московском университете 22 февраля 1818 г.:

В одно заседание комитета Мерзляков объявил, что он получил *письмо из Сибири* о гексаметрах и о других предметах словесности. Письмо о словесности из такого отдаленного края обещало очень любопытное чтение. Мерзляков был сам член комитета: его одобрению можно было поверить; и положили прочесть это письмо публично, без предварительного рассмотрения.

На заседании общества собиралась тогда высшая и лучшая публика Москвы: и первые духовные лица, и вельможи, и дамы высшего круга. Каково же было удивление всех, когда Мерзляков по дошедшей до него очереди вдруг начал читать это письмо из Сибири – против гексаметра и баллад Жуковского, который и сам сидел за столом туг же, со всеми членами! И, не колеблясь нимало, Мерзляков прочитал хладнокровно статью, в которой явно указано было на «Адельстана» Жуковского, на две огромные руки, появившиеся из бездны, на его «Красный карбункул» и «Овсяный кисель» как на злоупотребление поэзии и гексаметра. Жуковский должен был вытерпеть чтение до конца; председатель был как на иглах: остановить чтение было невозможно; сюрприз и для членов и для публики очень неприятный!

По окончании заседания, я помню, Антонский взял под руки Мерзлякова и Жуковского и повел их к себе; мимоходом велел попросить к себе Ивана Ивановича Дмитриева, и началось объяснение. Я это помню, потому что был при этом.

Мерзляков уверял Жуковского, что из любви к нему и к литературе хотел открыть ему глаза, хотел оказать ему услугу. Жуковский отвечал, что это похоже на услугу медведя в басне Крылова; медведя, который, сгоня муху, «хватя друга камнем в лоб!» и прочее. Как бы то ни было, но и Мерзляков и Жуковский были оба люди добродушные; а Антонский не выпустил их, покуда они не помирились, не обнялись и не поцеловались [48. С. 168–169].

Попытки оспорить значимость жанровых образцов Жуковского и найти им альтернативы (в случае с «Ольгой» П.А. Катенина) свидетельствовали об их превращении в канонизированные образцы. При этом институционально значимым выбором самого поэта стало неучастие в публичных полемиках, от которых он предостерегал и друзей, особенно часто П.А. Вяземского. Жуковского более привлекала позиция неангажированности, позволявшая без внутренних конфликтов участвовать в деятельности самых разных литературных обществ и выступать одним из важнейших связующих агентов литературной жизни не только двух столиц, но и провинции (Депт), а затем еще и Германии (берлинский круг, веймарские знакомства).

С институциональной точки зрения эти объединения очень отличались. Так, с октября 1818 г. Жуковский по рекомендации А.С. Шишкова стал членом Российской Академии, патронажного учреждения со строгими ритуалами [49], что вызвало всплеск иронии со стороны арзамасцев. Тем не менее в системе культурных учреждений империи это был высший орган, и вхождение в круг академиков означало официальное причисление к ученой элите, о чем в духе деловых реляций сообщили все газеты и некоторые журналы: «Императорская *Российская Академия* в заседании своем 5 октября избрала в действительные члены свои <...> коллежского асессора *Василия Андреевича Жуковского*» (курсив в оригинале. – В.К.) [50. С. 181].

Близкий характер имело уже упомянутое Общество любителей российской словесности при Московском университете, членом которого Жуковский стал еще раньше – в феврале 1816 г. [51]. Более свободной была внутренняя жизнь Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (избран в 1817 г.) и Вольного общества любителей российской словесности (принят в 1818 г.), хотя и они не обходились без устава, ритуалов и практики покровительства сановниками. В деятельности этих объединений Жуковский участвовал сугубо эпизодически. Тем не менее принятие в члены все новых обществ было очевидным знаком привилегированного статуса писателя, залучить которого в свои ряды стремились все литературные группы.

Настоящей же сферой Жуковского выступал круг неформального и открытого дружеского общения, близкого к салонному. Такие приемы Жуковский начал устраивать и сам, когда обзавелся в 1818 г. жильем в Коломне: «У Жуковского – субботы, и стекается множество праздношатающихся авторов и литераторов» (А.И. Тургенев – П.А. Вяземскому 2 октября 1818 г. [28. С. 126]). Появление собственного салона было своеобразной данью традиции: без него не мог обойтись ни один знаменитый литератор, вынужденный открывать свои двери не только для старых друзей, но и для новичков, мечтающих утвердиться в художественной (а через нее, быть может, и чиновничьей) среде, а также для всех желающих благородных особ, желающих с ним познакомиться. В роли посетителя разнообразных салонов сам Жуковский к тому времени был не раз, теперь наступила пора выступить в роли его хозяина – правда ненадолго, до 1820 г.

Подобный характер имела и дерптская литературная жизнь, сосредотачивавшаяся в гостиних местных профессоров (К. Петерсен, А. Вейраух, М. Асмус, К. фон дер Борг, Т. фон Бок и др.) и салоне Протасовых, переехавших туда в 1814 г. Жуковский, регулярно приезжавший в Дерпт, быстро оброс здесь знакомствами и нашел очень благодарную среду, умевшую оценить его и как человека, и как большого поэта, и как статусную литературную фигуру [52–56]. Навыки салонного литературного общения позволили Жуковскому быстро войти в учено-литературную жизнь Берлина и Веймара в ходе первого заграничного путешествия 1820–1821 гг., когда он оказался вхож в круг гётеанцев (сам И.В. Гёте, великая герцогиня Мария Павловна, графини Эглоффштейн, Ф. фон Мюллер, братья Мальтицы, И.П. Эккерман) и завел многочисленные знакомства в столице Пруссии (Ф. Ламонт-Фуке, Ф. Ансильон, Ф. Шатобриан, Д. Гуфланд, М. фон Клейст. Г. Штегеман и др.), в Дрездене (К.Д. Фридрих, Л. Тик) и в Женеве (К. Бонштеттен) [57–61]. Однако становление репутации Жуковского в дерптском кругу и в немецкой литературной и культурной среде – это предмет отдельного рассмотрения [62].

В целом же, подводя итог, можно констатировать, что в 1813–1820 гг. Жуковский, почувствовав невозможность органично самореализоваться в профессиональной журнальной деятельности, нашел иной источник ресурсов – поддержку кружковой культуры, с одной стороны, и высочайшее покровительство – с другой. Его художественные новации стали знаменем целого направления в литературе, в жизни которого поэт выступил не только активным участником, но и умелым организатором, однако окончательную легитимацию они приобрели только благодаря институту патронажа. Умелое использование открывающихся репутационных возможностей позволило Жуковскому в короткое время достичь вершин и официальной, и неофициальной (дружески-кружковой) литературной иерархии, не потеряв при этом поэтической и личной независимости. Как обращаться с накопленным символическим капиталом и во что его конвертировать – писателю пришлось решать на следующем этапе карьеры в 1820-е гг.

Список источников

1. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 51–69.

2. *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту : University of Tartu press, 2013. С. 7–34.
3. *Киселев В.С.* Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219.
4. *Березкина С.В.* Жуковский и Карамзин (к вопросу о формировании литературной репутации поэта в 1797–1807 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 5–12.
5. *Долгушин Д.В.* Литературная репутация В.А. Жуковского в 1808–1815 гг.: от «Вестника Европы» к «Российскому музеуму» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 2 (в печати).
6. *Виралайнен М.Н.* Русский романтизм как проблема // Русская литература. 2024. № 1. С. 5–24.
7. *Ветшева Н.Ж.* Планы и конспекты волшеббно-исторической поэмы В.А. Жуковского «Владимир» // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 25–31.
8. *Батюшков К.Н.* Письмо к И.М. М.А. о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине // Сын отечества. 1814. Ч. 16, № 35. С. 87–116.
9. *Дмитриев И.И.* Письма к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1871. Кн. 1, № 3. Стб. 409–430.
10. *Карамзин Н.М., Дмитриев И.И.* Письма к В.А. Жуковскому // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. № 28033. 121 л.
11. Коллективные письма родных к В.А. Жуковскому // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 104. Карт. 6. № 45. 14 л.
12. *Парсамов В.С.* В.А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян-победителей») // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2007. № 9. С. 210–221.
13. *Виралайнен М.Н.* «Узлы» и «циклы» в истории русской литературы // Русская литература. 2017. № 3. С. 5–13.
14. «Арзамас»: сборник в двух книгах. М.: Художественная литература, 1994. Кн. 1. 608 с.; Кн. 2. 540 с.
15. *Киселев В.С.* Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 470–493.
16. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
17. *Лотман Ю.М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПб, 2002. С. 601–611.

18. *Янушкевич А.С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. Вып. 9. С. 3–23.

19. *Киселев В.С.* Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX века // Русин. 2015. № 3 (41). С. 108–127.

20. «Мы столько прожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 1. 624 с.

21. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. 652 с.

22. *Киселев В.С.* Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 449–469.

23. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

24. К. Императору Александру. Стихотворение Василия Жуковского. С.П.Б. в типографии Ф. Дрехслера, 1815, 19 стр. в 4 // Русский инвалид. 1815. № 16 (24 февраля). С. 1.

25. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. Т. 15. 1088 с.

26. <Без заглавия> // Сын отечества. 1817. Ч. 35, № 1. С. 40 (в рубрике «Смесь»).

27. *Виницкий И.Ю.* Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

28. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб. : Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1899. Т. 1. 730 с.

29. *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1. 606 с.

30. *Лямина Е., Самовер Н.* Религиозное в эпоху поэтических манифестов: «Теснятся все к тебе во храм...» В.А. Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту : Tartu University Press, 2004. С. 99–111.

31. *Долгушин Д.В.* Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 109.

32. *Ларионова Е.О.* Случай со «Сказкой о принце Любиме»: об одном издательском предприятии В.А. Жуковского // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. Вып. 4. С. 38–68.

33. *Киселева Л.Н.* Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту : Tartu University Press, 2004. С. 199–228.

34. *Лебедева О.Б.* Европейская драматургия как дидактический материал: Мольер и Гольдони на уроках русского языка великой княгини Александры Федоровны // *Имагология и компаративистика*. 2019. № 11. С. 39–52.
35. *Вяткина И.А.* «Académie des curieux impertinents»: неопубликованные тексты В.А. Жуковского // *Жуковский: Исследования и материалы*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 422–467.
36. *Гынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. Л. : Прибой, 1929. 596 с.
37. *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М. : Художественная литература, 1965. 356 с.
38. *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л. : Наука, 1974. 230 с.
39. *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М. : ОГИ, 2000. 368 с.
40. *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
41. *Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Часть I... // Сын отечества*. 1815. Ч. 22, № 22. С. 104–105.
42. *Киселев В.С.* «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // *Русская литература*. 2008. № 2. С. 3–15.
43. *К.* Стихотворения Василия Жуковского. Ч. I. С. П. Б. в Медицинской типографии, 1815, в д. 8 // *Русский инвалид*. 1816. № 18 (22 января). С. 3–4.
44. *Поплавская И.А.* Письма А.И. Мещевского к Жуковскому // *Жуковский: Исследования и материалы*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 410–421.
45. *Бодрова А.С.* Военная служба Е.А. Баратынского: между биографией и поэзией // *Чины и музы*. Санкт-Петербург ; Тверь : Изд-во Марины Ботасовой, 2017. С. 131–155.
46. *Шаховской А.А.* Урок кокеткам, или Липецкие воды // *Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения*. Л. : Советский писатель, 1961. С. 119–264.
47. *Архипова А.В.* Эстетические воззрения и литературная критика декабристов // *Очерки истории русской литературной критики : в 4 т.* СПб. : Наука, 1999. Т. 1. С. 269–342.
48. *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М. : Русский архив, 1869. 300 с.
49. *Айзикова И.А.* В.А. Жуковский в истории Российской Академии // *Жуковский и время*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 238–249.
50. Ученые, благотворительные и другие общества // *Сын отечества*. 1818. Ч. 49, № 42. С. 180–183.
51. *Поплавская И.А.* Жуковский и Общество любителей российской словесности // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 10. С. 125–132.
52. *Петухов Е.В.* В.А. Жуковский в Дерпте // *Памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского*. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1903. С. 45–89.

53. Егоров Б.Ф. Жуковский в Тарту // Эстония: альманах. Таллин, 1956. Т. 6. С. 237–246.
54. Исаков С.Г. В.А. Жуковский и Тартуский университет // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi (Вопросы истории Тартуского университета). Тарту : Tartu Ülikooli, 1983. Вып. 13. С. 164–174.
55. Салунере М.Г. Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 431–454.
56. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. С. 29–118.
57. Шляпкин И.А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картона Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. № 7–8. С. 3–40.
58. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский и Ал.И. Тургенев в литературных кружках Дрездена // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 5. С. 159–183.
59. Данилевский Р.Ю. Россия веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л. : Наука, 1985. С. 145–182.
60. Gerhardt D. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis Scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München : Wilhelm Fink, 1966. S. 245–313.
61. Eichstädt H. Žukovskij als Übersetzer. München : Wilhelm Fink, 1970. 200 s.
62. Волков И.О. «Дерпт в моей судьбе играет значительную роль...»: В.А. Жуковский в дерптском учено-литературном кругу (1815–1819) // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 52–78.

References

1. Reitblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologičeskie očerki o knižnoy kul'ture Puškinskoj epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical-Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Vdovin, A. & Leybov, R. (2013) *Khrestomatiinnye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya* [Anthology Texts: Russian Poetry and School Practice in the 19th Century]. In: *Khrestomatiinnye teksty: russkaya pedagogičeskaya praktika XIX v. i poetičeskij kanon* [Anthology Texts: Russian Pedagogical Practice of the 19th Century and the Poetic Canon]. Tartu: University of Tartu. pp. 7–34.
3. Kiselev, V.S. (2024) Vasily Zhukovsky's works in the reception of literary criticism of the first half of the 19th century: To the problem statement. *Imagologija i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 21. pp. 207–219. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/21/10
4. Berezkina, S.V. (2024) Zhukovsky and Karamzin (on the formation of the poet's literary reputation in 1797–1807). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 507. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/1

5. Dolgushin, D.V. (2025) Literaturnaya reputatsiya V.A. Zhukovskogo v 1808–1815 gg.: ot “Vestnika Evropy” k “Rossiiskomu museumu” [V.A. Zhukovsky’s Literary Reputation in 1808–1815: From “Vestnik Evropy” to “Rossiiskiy museumu”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*. 24 (2). (In press).
6. Virolainen, M.N. (2024) Russkiy romantizm kak problema [Russian Romanticism as a Problem]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 5–24.
7. Vetsheva, N.Zh. (2006) Plany i konspekty volshebno-istoricheskoy poemy V.A. Zhukovskogo “Vladimir” [Plans and Outlines of V.A. Zhukovsky’s Fairy-Tale-Historical Poem “Vladimir”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 291. pp. 25–31.
8. Batyushkov, K.N. (1814) Pis'mo k I.M. M.A. o sochineniiakh g. Murav'eva, izdannykh po ego konchine [Letter to I.M. M.A. About the Works of Mr. Muravyov Published Posthumously]. *Syn otechestva*. 16 (35). pp. 87–116.
9. Dmitriev, I.I. (1871) Pis'ma k V.A. Zhukovskomu [Letters to V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 1 (3). pp. 409–430.
10. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. Manuscript No. 28033. 121 p. Karamzin, N.M. & Dmitriev, I.I. (n.d.) *Pis'ma k V.A. Zhukovskomu* [Letters to V.A. Zhukovsky].
11. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Manuscript No. 104-6-45. *Kollektivnye pis'ma rodnym k V.A. Zhukovskomu* [Collective letters to V.A. Zhukovsky].
12. Parsamov, V.S. (2007) V.A. Zhukovskiy i ofitsial'naya propaganda v 1806 g. (“Pesn' barda nad grobom slavyan-pobediteley”) [V.A. Zhukovsky and Official Propaganda in 1806 (“The Bard’s Song Over the Grave of the Victorious Slavs”)]. *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 9. pp. 210–221.
13. Virolainen, M.N. (2017) “Uzly” i “tsikly” v istorii russkoy literatury [“Nodes” and “Cycles” in the History of Russian Literature]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 5–13.
14. Anon. (1994) “Arzamas”: *Sbornik v dvukh knigakh* [“Arzamas”: A Collection in Two Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Kiselev, V.S. (2015) Knizhnye i zhurnal'nye istochniki “Sobraniya stikhotvorenii, otnosiashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” [Book and Journal Sources of the “Collection of Poems Related to the Unforgettable Year 1812”]. In: *Sobranie stikhotvorenij, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Poems Related to the Unforgettable Year 1812. An Anniversary Edition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 470–493.
16. Zhukovskiy, V.A. (1999) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Lotman, Yu.M. (2002) Tarutinskiy period Otechestvennoy voyny 1812 goda i razvitie russkoy obshchestvennoy mysli [The Tarutino Period of the Patriotic War of 1812 and the Development of Russian Social Thought]. In: *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB. pp. 601–611.

18. Yanushkevich, A.S. (1983) Zhanrovyy sostav liriki Otechestvennoy voiny 1812 goda i "Pevets vo stane russkikh voinov" V.A. Zhukovskogo [The Genre Composition of the Lyric Poetry of the Patriotic War of 1812 and V.A. Zhukovsky's "The Bard in the Camp of the Russian Warriors"]. *Problemy metoda i zhanra*. 9. pp. 3–23.

19. Kiselev, V.S. (2015) Panslavizm i konstruirovaniye natsional'noy identichnosti v russkoy i pol'skoy slovesnosti XIX veka [Pan-Slavism and the Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the 19th Century]. *Rusin*. 3 (41). pp. 108–127.

20. Kiselev, V.S. et al. (eds) (2021) "My stol'ko pozhili s toboy na svete...": *Perpiska P.A. Viazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852* ["We Have Lived So Long Together in This World...": Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky 1807–1852]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

21. Pushkin, A.S. (1937) *Polnoe sobranie sochinenii: V 16 t.* [Complete Works in 16 Volumes]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

22. Kiselev, V.S. (2015) Ideologicheskii kontekst "Sobraniya stikhotvoreniy, otnosiashchikhysya k nezabvennomu 1812 godu" [The Ideological Context of "Collection of Poems Related to the Unforgettable Year 1812"]. In: *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhysya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Poems Related to the Unforgettable Year 1812. An Anniversary Edition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 449–469.

23. Zorin, A. (2001) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII - pervoy treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. K. (1815) Imperatoru Aleksandru. Stikhotvorenie Vasiliya Zhukovskogo [To Emperor Alexander. A Poem by Vasily Zhukovsky]. *Russkiy invalid*. 16 (24 February). p. 1.

25. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 Volumes]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK.

26. *Syn otechestva*. (1817) <Bez zaglaviya> [Untitled]. 35 (1). p. 40. (in the "Miscellany" section).

27. Vinitskiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and Historical Imagination of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

28. Anon. (1899) *Ostaf'evskii arkhiv kniazey Viazemskikh* [The Ostafyevo Archive of the Vyazemsky Princes]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie gr. S.D. Sheremeteva.

29. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of Russian Monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.

30. Lyamina, E. & Samover, N. (2004) Religioznoye v epokhu poeticheskikh manifestov: "Tesniatsya vse k tebe vo khram..." V.A. Zhukovskogo [The Religious in the Era of Poetic Manifestos: "All Crowd to You in the Temple..." by

V.A. Zhukovsky]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Tartu: Tartu University. pp. 99–111.

31. Dolgushin, D.V. (2014) Mif o koroleve Luize v tvorchestve V.A. Zhukovskogo [The Myth of Queen Louise in the Works of V.A. Zhukovsky]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. p. 109.

32. Larionova, E.O. (2020) Sluchai so “Skazkoy o printse Lyubime”: ob odnom izdatel'skom predpriyatii V.A. Zhukovskogo [The Case of “The Tale of Prince Lyubim”: On One of V.A. Zhukovsky's Publishing Ventures]. In: *Zhukovsky: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 38–68.

33. Kiseleva, L.N. (2004) Zhukovsky - prepodavatel' russkogo iazyka (nachalo “tsarskoy pedagogiki”) [Zhukovsky as a Russian Language Teacher (The Beginning of “Royal Pedagogy”)]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Tartu: Tartu University. pp. 199–228.

34. Lebedeva, O.B. (2019) European Drama as a Didactic Material: Moliere and Goldoni at the Lessons of Russian for Great Duchess Alexandra Fedorovna. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 11. pp. 39–52. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/11/2

35. Vyatkina, I.A. (2013) “Académie des curieux impertinents”: neopublikovannyye teksty V.A. Zhukovskogo [“Académie des curieux impertinents”: Unpublished Texts by V.A. Zhukovsky]. In: *Zhukovsky: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 422–467.

36. Tynyanov, Yu.N. (1929) *Arkhaisty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad: Priboy.

37. Gukovsky, G.A. (1965) *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

38. Gille'son, M.I. (1974) *Molodoy Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad: Nauka.

39. Proskurin, O.A. (2000) *Literaturnye skandaly pushkinskoy epokhi* [Literary Scandals of the Pushkin Era]. Moscow: OGI.

40. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo “Arzamas” i Rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov* [An Appeal to Europe: The “Arzamas” Literary Society and Russia's Modernization Project 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

41. Obshchestvo lyubiteley otechestvennoy slovesnosti [Society of Lovers of Russian Literature]. (1815) Sobraniye obraztsovykh russkikh sochineniy i perevodov v stikhakh [Collection of exemplary Russian compositions and translations in verse], *Syn otechestva*. 22 (22). pp. 104–105.

42. Kiselev, V.S. (2008) “Sobraniye obraztsovykh russkikh sochineniy i perevodov v proze” i al'manakhi-antologii nachala XIX veka [“Collection of exemplary Russian compositions and translations in prose” and anthology almanacs of the early 19th century]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 3–15.

43. K. (1816) Stikhotvoreniya Vasiliya Zhukovskogo. Ch. I [Poems by Vasily Zhukovsky. Part I]. *Russkiy invalid*. 18. pp. 3–4.
44. Poplavskaya, I.A. (2013) Pis'ma A.I. Meshchevskogo k Zhukovskomu [Letters from A.I. Meshchevsky to Zhukovsky]. In: *Zhukovsky: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 410–421.
45. Bodrova, A.S. (2017) Voennaya sluzhba E.A. Baratynskogo: mezhdubiografiei i poeziei [Military service of E.A. Baratynsky: Between biography and poetry]. In: *Chiny i muzy* [Ranks and muses]. St. Petersburg; Tver: Izd-vo Mariny Botasovoy. pp. 131–155.
46. Shakhovskoy, A.A. (1961) Urok koketkam, ili Lipetskiye vody [A lesson to coquettes, or The Lipetsk waters]. In: Shakhovskoy, A.A. *Komedii. Stikhotvoreniya* [Comedies. Poems]. Leningrad: Sovetsky pisatel'. pp. 119–264.
47. Arkhipova, A.V. (1999) Esteticheskiye vozzreniya i literaturnaya kritika dekabristov [Aesthetic views and literary criticism of the Decembrists]. In: *Ocherki istorii russkoy literaturnoy kritiki* [Essays on the history of Russian literary criticism]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 269–342.
48. Dmitriev, M.A. (1869) *Melochi iz zapasa moyey pamyati* [Trifles from the stock of my memory]. Moscow: Russkiy arkhiv.
49. Ayzikova, I.A. (2007) V.A. Zhukovsky v istorii Rossiyskoy Akademii [V.A. Zhukovsky in the history of the Russian Academy]. In: *Zhukovsky i vremya* [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–249.
50. Syn otechestva. (1818) Uchenyye, blagotvoritel'nyye i drugiyeh obshchestva [Scholarly, charitable, and other societies]. 49 (42). pp. 180–183.
51. Poplavskaya, I.A. (2020) Zhukovsky i Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti [Zhukovsky and the Society of Lovers of Russian Literature]. *Gumanitarny nauchny vestnik*, 10. pp. 125–132.
52. Petukhov, E.V. (1903) V.A. Zhukovsky v Derpte [V.A. Zhukovsky in Dorpat]. In: *Pamyati N.V. Gogolya i V.A. Zhukovskogo* [In memory of N.V. Gogol and V.A. Zhukovsky]. Yuryev: Tip. K. Mattisena. pp. 45–89.
53. Egorov, B.F. (1956) Zhukovsky v Tartu [Zhukovsky in Tartu]. In: *Estoniya: al'manakh* [Estonia: Almanac]. Vol. 6. Tallinn. pp. 237–246.
54. Isakov, S.G. (1983) V.A. Zhukovsky i Tartusskiy universitet [V.A. Zhukovsky and the University of Tartu]. In: *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. 13. pp. 164–174.
55. Salupere, M.G. (1987) Zabytyye druz'ya Zhukovskogo [Zhukovsky's forgotten friends]. In: *Zhukovsky i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka. pp. 431–454.
56. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovsky i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
57. Shlyapkin, I.A. (1912) Zhukovsky i yego nemetskiye druz'ya: Neizdannyye dokumenty 1842–1850 gg. iz kartona Varnagena fon Enze [Zhukovsky and his German friends: Unpublished documents 1842–1850 from Varnhagen von Ense's papers]. *Russkiy bibliofil*. 7–8. pp. 3–40.

58. Veselovsky, A.N. (1905) V.A. Zhukovsky i Al.I. Turgenev v literaturnykh kruzhkakh Drezdena [V.A. Zhukovsky and Al.I. Turgenev in Dresden literary circles]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 5. pp. 159–183.

59. Danilevskiy, R.Yu. (1985) Rossika veymarskogo arkhiva [Russica in the Weimar archive]. In: *Vzaimosvyazi russkoy i zarubezhnykh literatur* [Relationships between Russian and foreign literatures]. Leningrad: Nauka. pp. 145–182.

60. Gerhardt, D. (1966) Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen. In: *Orbis Scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München: Wilhelm Fink. pp. 245–313.

61. Eichstädt, H. (1970) *Žukovskij als Übersetzer*. München: Wilhelm Fink.

62. Volkov, I.O. (2025) “Dorpat has a big role in my destiny...”: Vasily Zhukovsky in the Dorpat academic and literary coterie (1815–1819). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 52–78. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/3

Информация об авторе:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья принята к публикации 20.12.2024.
The article was accepted for publication 20.12.2024.*